

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(411)«1057/1314»

«Община королевства» в конце XIII века: к вопросу о становлении парламента в средневековой Шотландии

К. С. Рева

Рева Ксения Сергеевна, аспирант Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, ksenia.s.reva@gmail.com

В статье рассматриваются статуты шотландского парламента и обстоятельства их принятия со времени кончины короля Александра III до начального периода Первой войны за независимость. Обращение к вопросу о возникновении парламента в Шотландии потребовало отдельного освещения истории коллоквиума в 1235–1286 гг. В исследовании дается оценка роли сословной ассамблеи в главных политических событиях того времени; также приводятся мнения историков по вопросу о зарождении шотландского парламента. Формулируется вывод, согласно которому, несмотря на упоминание парламента в источниках с 1235 г., ключевым этапом его становления стали события конца XIII в.

Ключевые слова: шотландский парламента, сословное представительство, средневековая Шотландия, Джон Баллиол, Войны за независимость Шотландии.

Поступила в редакцию: 10.02.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

'The Community of the Realm' in the Late XIII Century: on Formalization of the Parliament in Medieval Scotland

K. S. Reva

Ksenia S. Reva, <https://orcid.org/0000-0002-9433-4997>, Institute of History, St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg 198034, Russia, ksenia.s.reva@gmail.com

The article is dedicated to consideration of the Scottish parliamentary statutes and circumstances surrounding their enacting from the death of Alexander III of Scotland to the end of the initial period of the First War of Scottish Independence. Reference to the issue on the emergence of the parliament in Scotland required a distinct coverage of the history of the colloquium in 1235–1286. The evaluation of class assembly role in the prominent political events of that time as well as perspectives of historians on the beginning of the history of the Scottish parliament are given in the paper. The author comes to the conclusion that despite the fact that the mention of the parliament could be traced to 1235, the late XIII century became a decisive stage of its development.

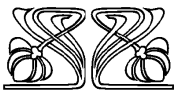
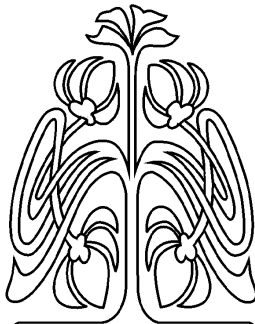
Keywords: Scottish Parliament, Representative Assemblies, Medieval Scotland, John Balliol, Wars of Scottish Independence.

Received: 10.02.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

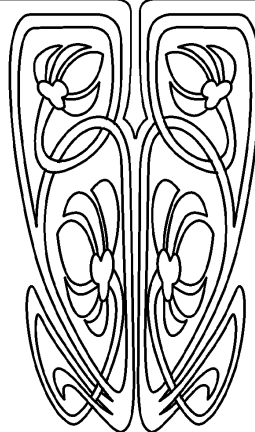
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-490-496>

Наиболее известным средневековым сословно-представительным институтом Британских островов, с чем сложно не согласиться, является английский парламента, в то время как этот регион знал и другие представительные ассамблеи за пределами Англии. В их числе – шотландский парламента, почти на 300 лет прервавший свою историю после

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Унии королевств в 1707 г., когда оба института были объединены в парламент Великобритании. Если Акт об унии как крайней даты деятельности шотландского сословного собрания в Раннее Новое время у историков не вызывает сомнений, то вопрос о его возникновении является дискуссионным. Сомнения исследователей прежде всего связаны с оценкой ранних статутов XIII в., известных в основном по косвенным свидетельствам их содержания, и обстоятельствам их принятия. Кроме того, начало употребления термина «парламент» в отношении шотландской сословной ассамблеи также используется в качестве аргумента в споре о дате возникновения парламента. Данный круг историографических проблем в современной исторической науке пока не получил всестороннего освещения и аргументированной общепризнанной позиции, что открывает перспективы для его дальнейшего обсуждения.

Цель настоящей статьи – рассмотрение поставленных выше вопросов с акцентом на роль парламента в 1286–1306 гг. как наиболее показательный пример участия ассамблеи в важных политических событиях на начальном этапе ее существования. Использование слова «становление» в названии статьи не случайно: исследование призвано показать, как именно парламент использовался шотландскими политическими элитами, и почему особое место института в управлении государством, как коллективном, так и персональном (королевском), было закреплено в конце XIII столетия. В этой связи представляется необходимым проанализировать статуты, относящиеся к периоду царствования королей Александра II (1214–1249) и Александра III (1249–1286), а также привести имеющиеся в историографии точки зрения на характер ассамблеи того времени.

Традиционно исследования, посвященные рождению шотландского сословного представительства, предваряются или начинаются с обзора постановлений так называемых «коллоквиумов». К 1235 г. относится самое раннее известное упоминание парламентской ассамблеи в Шотландии. Акт представлял собой судебный ответ по иску о нарушении границ крупнейшего в стране аббатства Мелроуз и начинался следующими словами: «Да будет известно общине вашей, что в присутствии нашем и наших баронов на коллоквиуме в Листоне в 1235 году от Рождества Христова...»¹. Вынесение решения предварялось следующей фразой: «Этот порядок мы и бароны наши так истолковали...»².

Данное собрание, как видно из процитированного фрагмента, именуется коллоквиумом. Термин «*colloquium*» в рассматриваемое время был близок по смыслу к термину «*parliamentum*» – «обсуждение»; оба они имели техническое значение и, несмотря на их идентичность, отданное предпочтение первому может быть объяснено его более древним практическим употреблением³.

Наличие термина «коллоквиум» в семи актах до 1285 г. включительно позволяет причислить их к деятельности более широкого собрания, чем ближний совет короля. Источники представляют собой итоги судебных разбирательств, выдержки из писем Генриха III (1216–1272), касающиеся шотландского коллоквиума, фрагменты казначейских подсчетов и свидетельства земельных пожалований⁴, позволяющие на немногочисленном материале заключить, что во время первых своих фиксаций ассамблея уже позиционируется как институт с судебной дипломатической ролью.

В отношении генезиса парламентской ассамблеи одно из первых аргументированных мнений высказал Р. Райт, чьи труды были посвящены непосредственно рассмотрению истории этого института в Средние века и Раннее Новое время. О существовании сословного представительства в Шотландии, по его мнению, можно говорить только применительно к концу правления Давида II (1336–1371), зафиксировавшего регулярное присутствие на собраниях горожан в составах избранных представительных комитетов⁵. Собрания королевских советов XII в., тем не менее, могут быть рассмотрены как возможные предтечи парламента («коллоквиума»): изначально он развивался из королевского совета, в который входили епископы и графы. Такие советы короля, занимавшиеся преимущественно повседневными делами, включали приближенных правителя из числа его родственников и знати⁶. Вопросы особой важности, однако, требовали репрезентации «всего королевства». В связи с этим Р. Райт обращает внимание на то обстоятельство, что в период правления Давида I (1124–1153) королевские хартии, в которых правитель выступает единолично по принципу *testemeipso*, под нормандским влиянием вытесняются хартиями, засвидетельствованными епископами, аббатами, графами и баронами, что можно трактовать как продукт деятельности видоизмененного и расширенного большого совета. Второй предполагаемой точкой отсчета парламентской истории является употребление выражений «все достойные люди королевства» и «вся община королевства» в ассизах Уильяма Льва (1165–1214)⁷. Тем не менее, как отмечает автор, нет абсолютно никаких доказательств того, что большой совет до Первой войны за независимость (1296–1328) был чем-то большим, чем простое феодальное собрание, на котором присутствовали только те, кто был избран⁸.

Четыре года спустя после издания монографии Р. Райта «Парламенты Шотландии» вышла статья Г. Ричардсона и Дж. Сейлза. Авторы высказали мнение, согласно которому ввиду крайней скудости источников по парламентской истории до 1293 г., сделать какие-либо конкретные выводы по ранним периодам его деятельности представляется затруднительным: именно в последнее десятилетие XIII в. впервые появляются официальные записи результатов, а также данные о форматах

ассамблей⁹. Помимо этого, авторы склонны усматривать единственной функцией коллоквиумов Александра III отправление правосудия, а ядром самого собрания – королевский совет¹⁰. Оформление парламента в Шотландии Г. Ричардсон и Дж. Сейлз отнесли ко времени правления Роберта I (1306–1329), так как, по их мнению, многие собрания конца XIII – начала XIV столетия инициированы Эдуардом I (1272–1307)¹¹. Поддерживая эту позицию, А. Дункан также отметил невозможность полноценно исследовать деятельность коллоквиума в 1235–1285 гг., согласившись с тем, что до смерти Александра III основной функцией ассамблеи являлось правосудие¹².

В начале XXI в. исследования в этом направлении провела Э. МакКвин, посвятив диссертацию возникновению парламента в Шотландии. Согласно одному из ее ключевых тезисов, несмотря на то, что термин «парламент» был введен в употребление лишь с конца XIII в., сам институт в виде «коллоквиума» уже существовал с момента его фиксации в 1235 г.¹³ Автору удалось выявить, что коллоквиум 1258 г., на котором обсуждался мирный договор с Англией, в английских источниках упоминался как «парламент», а значит, имел схожие функции. Помимо этого, Э. МакКвин обращает внимание на то, что термин «коллоквиум» для XIII в. был «старомодным» и отражал лишь традицию его употребления, что видно из источников начала XIV столетия, где «коллоквиум» и «парламент» употребляются наравне друг с другом и являются взаимозаменяемыми¹⁴. Ее авторству также принадлежит одна из глав коллективной монографии «История шотландского парламента»¹⁵, в которой были резюмированы отдельные выводы ее диссертационного исследования. Э. МакКвин здесь акцентирует внимание на периоде после 1286 г., лишь в нескольких положениях выражая свою точку зрения на деятельность коллоквиума. Так, по мнению автора, период малолетства Александра III (1249–1262), когда королевство управлялось группами знати при содействии Генриха III, значительно способствовал развитию института: сформированный магнатами совет для решения повседневных дел использовался также для коллективного управления королевством¹⁶.

Изучение истории коллоквиума и определение его функций все еще остается связанным с рядом проблем. Дело в том, что абсолютное большинство источников рассматриваемого периода, имеющихся в распоряжении историков, представляют собой косвенные свидетельства того, что судебный процесс мог проходить не в самом парламенте. Хотя юрисдикция была его отличительной чертой, факты созыва разного рода собраний (инициированных Генрихом III), не принадлежащих к парламентам или коллоквиумам, свидетельствуют о том, что насущные дела могли обсуждаться знатью на простых «ассамблеях»¹⁷. В то же время такой вопрос, как наследование шот-

ландского престола в 1284 г., был рассмотрен, по свидетельствам косвенных источников, совместно магнатами «с королем». При этом в записи постановления имена участвовавших перечислены, что примечательно, не в конце документа, а в его преамбуле¹⁸.

Несмотря на изыскания Э. МакКвин, ситуативно вписавшие коллоквиум в процесс управления королевством, приходится констатировать, что в 1235–1286 гг. он был все еще недостаточно структурированным органом¹⁹ без какой-либо постоянной роли внутри шотландского политического общества. В этом отношении 90-е гг. XIII столетия дают историкам материал, позволяющий сформулировать более полные выводы о характере института. Именно в эти годы к рассматриваемой ассамблее стал применяться термин «парламент», некоторое время употреблявшийся наравне с «коллоквиумом» и постепенно его заменивший. Согласно современной, наиболее аргументированной позиции по этому вопросу именно последнее десятилетие XIII в. считается окончательной фазой становления парламента. Эта фаза, замечают К. Браун и Р. Таннер, не была сопряжена ни с развитием правосудия, ни с сопротивлением королю со стороны сословий, ни с инициацией налогообложения, а была связана с особой ситуацией, возникшей после смерти Александра III 19 марта 1286 г.²⁰

На момент кончины короля Александра никого из его детей не осталось в живых, и право на престол после непродолжительного колебания знати перешло к его трехлетней внучке Маргарет (1283–1290), дочери Эрика II Норвежского (1280–1299)²¹. В это время резко меняется роль парламента, а также осуществляющих управление персон: в условиях малолетства монарха возникла необходимость организовать более работоспособный небольшой комитет²². Таким комитетом стали «хранители королевства», правившие Шотландией до 1291 г. Законодательная ассамблея, собранная в апреле 1286 г. в Сконе²³, предусмотрела порядок передачи права на престол на случай непредвиденной смерти Маргарет²⁴, а также вернула власть в стране шести хранителям²⁵.

В 1290–1291 гг. были проведены весьма важные для исследователей парламентской истории съезды шотландских магнатов. Документы, фиксирующие их решения, представляют собой переписку Эдуарда I (1272–1307) и Эрика II с коллоквиумом Шотландии, состоявшим из четырех уцелевших во внутренних распрях к тому времени хранителей, епископов, аббатов и графов, перечисленных поименно, и баронов. Биргемский коллоквиум от 14 марта 1290 г. подтвердил брак Маргарет, признанной Эдуардом I «королевой и наследницей ее королевства Шотландии»²⁶, с принцем Уэльским, сыном короля Англии, условия которого были закреплены годом ранее в Солсберийском договоре²⁷. По условиям договора не только заключение брачного союза, но

и прибытие юной Маргарет из Норвегии в «королевство Англия или Шотландия» полностью контролировалось английским королем, который обязался передать наследницу в руки «достойных людей из Шотландии» лишь в случае, если «королевство Шотландия находится в хорошем и прочном мире»²⁸.

Подобное постановление в некоторой степени «развязывало руки» Эдуарду I в плане вмешательства во внутренние дела Шотландии. Кроме того, договор в Солсбери де-юре подготовил унию двух корон. На практике это могло означать подчинение шотландской церкви Йоркской архиепархии²⁹, изменения в торговле и рыболовном промысле в Северном море не в пользу шотландских северных бургов, а также пересмотр прав, иммунитетов и привилегий шотландской знати, особенно кланов Пограничья, которые одновременно являлись вассалами как шотландского, так и английского короля³⁰. Потому неудивительно, что собранная в июле 1290 г. в Биргеме ассамблея назначила взаимные обязательства для сторон, а письмо от шотландцев Эдуарду I призвало их придерживаться³¹. Актом английскому королю было предписано соблюдать права, законы, привилегии и обычаи как церковные, так и светские. По условиям Биргемского договора³² только шотландский парламент мог принимать решения относительно внутренних дел (особенно это касалось налогов), ни один шотландец не должен быть привлечен к суду и, вероятно, к участию в парламенте вне королевства³³.

В сентябре 1290 г. по пути в Шотландию умерла наследница престола Маргарет. В ситуации междуцарствия епископ Сент-Эндрюса как один из хранителей обратился к Эдуарду I с просьбой установить мир в Шотландии и определить преемника престола. Благодаря его нажиму в июне 1291 г. соискатели шотландской короны подписали «Норемский дар», тем самым признав английского короля сюзереном Шотландии и передав в его руки управление замками³⁴. Их примеру последовали хранители, магнаты, бурги и королевские фригольдеры. 2 августа того же года в Берике в присутствии Эдуарда начался полугодовой судебный процесс, так называемая «Великая тяжба», итогом которой стало объявление королем Джона Баллиола, лорда Гэллоуэй как потомка старшей ветви наследников Давида I³⁵. Правление Баллиола всецело было включено в канву событий, предвращавших нарождавшееся крупное англо-шотландское противостояние, известное как «Первая война за независимость Шотландии». В рамках настоящего исследования период 1292–1296 гг. представляет интерес, прежде всего, с точки зрения деятельности и развития парламента.

В 1292–1296 гг. шотландская ассамблея, судя по сохранившимся прямым источникам, собиралась дважды (оба раза в 1293 г.). Кроме того, в распоряжении историков имеются кос-

венные сведения о еще двух «парламентах» и одном «коллоквиуме»³⁶. 9 февраля 1293 г., «в присутствии короля лично и его совета на своем первом парламенте»³⁷ были приняты статуты в двух весьма объемных (в сравнении с предыдущими) свитках. Оба свитка почти целиком посвящались рассмотрению жалоб, арбитром в решении которых выступил король, в чем, как представляется, заключался один из ключевых моментов в развитии представительной ассамблеи в Шотландии. Во-первых, постепенно закреплялась если не основная, то одна из главных функций парламента как высшего королевского суда (в итогах коллоквиумов Александра III мы находим лишь несколько подобных решений). Э. МакКвин в своем исследовании раскрывает и доказывает тезис Г. Ричардсона и Дж. Сейлза³⁸ о том, что в указанные несколько лет в парламенте появлялась отлаженная судебная процедура для заслушивания жалоб, при которой люди специально вызывались в парламент, чтобы держать ответ³⁹. Как минимум два постановления продлевают судебные разбирательства до следующих собраний⁴⁰. При этом в самих текстах не содержится указания на то, что урегулирование споров могло быть достигнуто в каком-либо ином институте⁴¹.

Во-вторых, в попытке подтверждения персональной власти Джон Баллиол прибегает к созыву ассамблеи, придающей его решениям характер общеобязательности. Его опора на представительные собрания сделала сам институт значимым, прежде всего, с позиции осуществления правления короля, а не совета хранителей. С помощью парламентских актов Баллиол оказывал давление на потенциально проблемных подданных, таких как Брюс, и сдерживал посягательства Эдуарда I⁴². С февраля 1293 г. по май 1294 г. он четырежды собирал парламент, который не только вершил суд, но и символизировал совет и согласие между королем и, что немаловажно, «общинной королевства». Наглядной демонстрацией шаткости авторитета монарха в это время как для вассалов шотландского короля, так и для его нового сюзерена, может послужить пример апелляции несогласного Джона МакДаффа, графа Файф, в суд Эдуарда I, которому Баллиолом после коронации был принесен оммаж⁴³.

Выгодное стечение обстоятельств, а именно начавшаяся в 1294 г. война Англии с Францией и вспыхнувшее за этим восстание Мэдока ап Лливелина в Уэльсе, отвели внимание Эдуарда I от Шотландии⁴⁴. В июле 1295 г. предполагаемый парламент в Стирлинге⁴⁵ передал королевскую власть совету магнатов, не низлагая Баллиола и обязав короля подчиняться его решениям. Совет, включавший четырех епископов, четырех графов и четырех баронов, вновь привлек к управлению хранителей и послал делегацию к Филиппу IV (1285–1314)⁴⁶. 22 октября 1295 г. был заключен франко-шотландский договор⁴⁷, по которому Шотландия, пока Франция и Англия находятся

в состоянии войны, должна также вести боевые действия в отношении последней. Условия предусматривали также обратную помощь со стороны французского короля, исключение сепаратного мира, а также брак сына Джона Баллиола Эдуарда и племянницы Филиппа IV Жанны де Валуа⁴⁸. В феврале 1296 г. парламент Баллиола «милостью Бога короля Шотландии»⁴⁹ ратифицировал договор, скрепив его печатями шести бургов, что стало первым зафиксированным случаем привлечения горожан к обсуждению и решению дел в парламентской ассамблее.

Ответ Эдуарда I на неповиновение его вассала был незамедлительным и жестоким. При поражении шотландской армии 27 апреля 1296 г. при Данбаре множество магнатов попало в плен, было сдано несколько замков, а король Джон Баллиол после неудачной попытки бегства подвергся церемонии низложения⁵⁰. Сконский камень, без которого по традиции не могла проходить коронация, был перевезен в Вестминстер. В последовавших и хорошо освещенных историографией событиях⁵¹ главенствующая роль в противостоянии притязаниям короля Англии постепенно перешла к Роберту Брюсу, графу Каррик. Роберт I был коронован в Сконе в 1306 г. без восшествия на оригинальный «камень судьбы» (ему была найдена замена), но посредством еще одной шотландской традиции: представители клана МакДафф обладали привилегией возводить монархов на престол⁵².

Сложившиеся после смерти Александра III обстоятельства существенно расширили спектр деятельности шотландского парламента, сделав его основным институтом для коллективных действий знати в условиях малолетства наследницы престола. Именно посредством парламента велись переговоры с Эдуардом I и Эриком I по поводу заключения брака Норвежской Девы и фиксировались их результаты. На Биргемском коллоквиуме в марте 1290 г. присутствовали 107 персон, что сделало эту ассамблею самой представительной вплоть до 1469 г.⁵³ По мнению Дж. Барроу, этот факт говорит о широкой поддержке хранителей со стороны епископов и графов, а также о значительной репрезентации баронов и глав религиозных общин⁵⁴. Собранный несколькими месяцами позднее второй Биргемский коллоквиум наложил на Эдуарда обязательства, которых тому следовало придерживаться. В их числе запрет на привлечение шотландцев в английские парламента. Г. Ричардсон и Дж. Сейлз предположили, что принудительное участие в английских ассамблеях означало бы связь шотландской знати с королем Англии и даже Франции⁵⁵, и шотландцы, по их мнению, не желали нести службу за пределами своей страны.

В контексте данного исследования примечательна также еще одна важная деталь: акты ассамблей 1290 г. приняты от лица «общины Шотландии»⁵⁶ или «общины королевства»⁵⁷. Появление этого концепта в документах конца

1280-х гг., как отмечает М. Браун, обозначало вовлечение политического класса в управление страной в ситуации отсутствия или малолетства монарха⁵⁸. Разумеется, никто и ничто не могло составить равную замену легитимному правителю. Королевство могло лишь организовать себя в коллективную сущность, «общину королевства Шотландия», существовавшую и во времена нахождения на троне короля, но отодвигавшуюся на задний план при условии, что правитель достаточно взрослый и самостоятельный⁵⁹. Через 3 года после низложения Баллиола и вторжения англичан в Шотландию в 1296 г. от имени хранителей, назначенных общиной королевства, было послано письмо, предлагающее Эдуарду I прекратить военные действия при посредничестве Филиппа IV⁶⁰. Годом ранее датируется хартия Уильяма Уоллеса о земельном пожаловании Александру Скримджеру, сделанная «с согласия общины этого королевства», «с согласия и разрешения магнатов упомянутого королевства», под печатями «общины упомянутого королевства Шотландия»⁶¹. В 1302 г. было послано письмо французскому королю, также заверенное «всеми печатями общины»⁶². Обращаясь к этому сюжету, Дж. Бернс замечает, что употребление концепта «община королевства» применительно к заседаниям парламента показывало значение самого собрания знати как хранителя и выразителя интересов королевства⁶³.

Возвращаясь к вопросу терминологии, следует еще раз подчеркнуть, что именование коллоквиума «парламентом» в 90-х гг. XIII в. целиком связано с английской практикой, в которой, несмотря на вульгарность этого термина, он получил более широкое употребление⁶⁴. Эдуард I в своих письмах, а после 1291 г. и в актах именуется шотландскую ассамблею по примеру собственной: назначая ассамблею в Берике на 2 июня 1292 г., английский король к прошлогодним летним собраниям применяет формулировку «в недавнем нашем парламенте»⁶⁵. А в письме 1304 г. содержится призыв прибыть в «наш парламента»⁶⁶ не иначе, как в Сент-Эндрюс. Сами шотландцы еще в 1290 г. при обсуждении условий брака юной Маргарет и сына Эдуарда называют ассамблею «коллоквиумом»⁶⁷. Однако на втором году царствования Джона Баллиола магнаты собрались на «парламент». Проведя терминологический анализ, А. Дункан показал, что ни до 90-х гг. XIII в., ни после в записи парламентских статутов не использовалось такое количество терминов и выражений, заимствованных из английской практики, что, по его мнению, выдает английских авторов⁶⁸. Постановления 1291–1293 гг., судя по всему, были записаны по английскому образцу, но изменены применительно к шотландским условиям, чем можно объяснить непродолжительное чередование двух терминов в этот период.

Было бы некорректно говорить о том, что шотландский парламента начал свою историю в конце

XIII в.: его рождением принято считать первое упоминание коллоквиума в 1235 г., несмотря на малое количество статутов этого времени и общую скудость источников другого характера, не позволяющих провести более плодотворное исследование и выразить конкретную позицию относительно функционирования ассамблеи. Однако, как было показано в настоящей статье, во многих аспектах династический кризис и междуцарствие, следовавшие за событиями 1286 г., а также растущие претензии английского короля способствовали вовлечению парламента в механизм управления королевством. Подобная ситуация повлекла за собой неизбежные обновления, выраженные через введение должности хранителя Шотландии и созовы широких, создающих вид консультативного принятия решений ассамблей, ассоциируя эти институты с идеей власти, возложенной на «общину королевства»⁶⁹. Парламент использовался для обсуждения и решения насущных вопросов и после избрания Джона Баллиола королем в 1292 г. Такая позиция подкрепляется весомыми аргументами, в числе которых – налаживание процедуры судебных разбирательств и вынесения вердиктов в регулярных собраниях ассамблеи, заключение альянса с французским королевством, закреплённого печатями бургов. К началу правления Роберта I парламент уже был достаточно развитым институтом с определенными функциями, очевидным потенциалом через постановления и сами факты созыва ассамблеи придавали прочность королевской власти (авторитету) среди знати, чем знаменитый шотландский монарх успешно пользовался на протяжении своего царствования.

Примечания

- 1 Noverit universitas vestra quod in presencia nostra et baronum nostrorum ad colloquium apud Listun' anno gracie milles imo ducentes imo trices imo quinto // Statute 1235/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 2 Quem modum nos et barones nostri taliter explanavimus // Statute 1235/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 3 Richardson H. G., Sayles G. The Scottish Parliaments of Edward I // The Scottish Historical Review. 1928. No. 100. Vol. 25. P. 300–317.
- 4 Alexander II, Alexander III. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 5 Rait R. S. The Parliaments of Scotland. Glasgow : Glasgow, Maclehose, Jackson and co., 1924. P. 1–3.
- 6 Rait R. Parliamentary Representation in Scotland : IV. Council and Conventions // The Scottish Historical Review. 1915. No. 47. Vol. 12. P. 247.
- 7 Rait R. S. The Scottish Parliament before the Union of the Crowns // The English Historical Review. 1900. No. 58. Vol. 15. P. 209–217.
- 8 Ibid. P. 224.
- 9 Richardson H. G., Sayles G. Op. cit. P. 300.
- 10 Ibid. P. 314.
- 11 Ibid. P. 304.
- 12 Duncan A. A. M. The Early Parliaments of Scotland // The Scottish Historical Review. 1966. No. 139. Vol. 45. P. 39.
- 13 McQueen A. A. B. The origins and development of the Scottish Parliament, 1249–1306 : unpublished Ph.D. thesis. St. Andrews, 2002.
- 14 Ibid. P. 303.
- 15 McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol, 1284–1296 // The History of the Scottish Parliament : Parliament and Politics in Scotland, 1235–1560 / ed. by K. M. Brown, R. J. Tanner. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2004. P. 29–49.
- 16 Ibid. P. 30.
- 17 Ibid. P. 31.
- 18 Ibid. P. 32.
- 19 Brown M. The Wars of Scotland, 1214–1371. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2004. P. 33, 170.
- 20 Brown K. M., Tanner R. J. Introduction // The History of the Scottish Parliament : Parliament and Politics in Scotland, 1235–1560 / ed. by K. M. Brown, R. J. Tanner. P. 8.
- 21 Brown M. The Wars of Scotland... P. 158.
- 22 McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol... P. 32–33.
- 23 Ibid. P. 33.
- 24 См.: Федосов Д. Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. СПб. ; М. : Евразия, 2014. С. 204–205.
- 25 Brown M. Aristocratic Politics and the Crisis of Scottish Kingship, 1286–96 // The Scottish Historical Review. 2011. №. 229. Vol. 90. P. 1–26.
- 26 Reyne e heritere des siens de Escocce // Statute 1290/3/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 27 Statute 1290/3/2. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 28 Documents Illustrative of the History of Scotland... / Ed. by J. Stevenson : in 2 vols. Edinburgh : H. M. General Register House, 1870. Vol. 1. P. 105–111.
- 29 Oram R. Domination and Lordship : Scotland 1070–1230. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. P. 334–346.
- 30 См.: Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. С. 149–150.
- 31 Statute 1290/7/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 32 Documents Illustrative of the History of Scotland... Vol. 1. P. 162–173.
- 33 Duncan A. A. M. Op. cit. P. 38.
- 34 Brown M. The Wars of Scotland... P. 165–167.
- 35 Ibid. P. 168.
- 36 John Balliol. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 37 Coram ipso rege et eius consilio in parliament suo primo // Statute 1293/2/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 38 Richardson H. G., Sayles G. Op. cit. P. 303.
- 39 McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol... P. 41.
- 40 Statutes 1293/2/5, 12. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).

- ⁴¹ *McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol...* P. 41.
- ⁴² *Ibid.* P. 30.
- ⁴³ *Ibid.* P. 40.
- ⁴⁴ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 173.
- ⁴⁵ A1295/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁴⁶ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 174.
- ⁴⁷ См.: *Басовская Н. И., Зверева Г. И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XVI вв. // Средние века. 1985. № 48. С. 78.*
- ⁴⁸ *Documents Illustrative of the History of Scotland...* Vol. 2. P. 8–12.
- ⁴⁹ *Dei gracia Rex Scotorum // A1296/2/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁵⁰ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 175.
- ⁵¹ *Barrow G. W. S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland.* Edinburgh : Edinburgh University Press, 2005.
- ⁵² *Bannerman J. MacDuff of Fife // Medieval Scotland : Crown, Lordship and Community / ed. by A. Grant, K. J. Stringer.* Edinburgh : Edinburgh University Press, 1998. P. 20–38.
- ⁵³ *McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol...* P. 35.
- ⁵⁴ *Barrow G. W. S. Op. cit.* P. 37.
- ⁵⁵ *Richardson H. G., Sayles G. Op. cit.* P. 304–305.
- ⁵⁶ *Tote la commune de Escoce // Statute 1290/3/2.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁵⁷ *Tote la commune de meyme cel' reume // Statute 1290/3/3.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁵⁸ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 158.
- ⁵⁹ *Barrow G. W. S. Op. cit.* P. 23.
- ⁶⁰ A1299/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶¹ A1298/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶² *Totius communitatis sigillatas // A1302/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶³ *Burns J. H. Political ideas and parliament // The history of the Scottish Parliament : The Scottish Parliament : themes and issues, 1286–1707 / Ed. by K. M. Brown, A. R. MacDonald.* Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. P. 217–218.
- ⁶⁴ *Richardson H. G., Sayles G. Op. cit.* P. 301.
- ⁶⁵ *In proximo parlamento suo // A1292/6/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶⁶ *Notre parlement // A1304/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶⁷ *Statute 1290/7/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶⁸ *Duncan A. A. M. Op. cit.* P. 42.
- ⁶⁹ *Brown K. M., Tanner R. J. Op. cit.* P. 8.

Образец для цитирования:

Рева К. С. «Община королевства» в конце XIII века: к вопросу о становлении парламента в средневековой Шотландии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 490–496. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-490-496>

Cite this article as:

Reva K. S. 'The Community of the Realm' in the Late XIII Century: on Formalization of the Parliament in Medieval Scotland. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 490–496 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-490-496>
